

ских газет. Кампанія, поднятая покойным, кончилась блестящим успѣхом. Калмыцкій народ добился желаемого права.

Занятія в Академіи шли своим чередом.

В концѣ 1903 года состоялось в военном министерствѣ опредѣленіе о командировкѣ Н. Э. в Тибет.

Русскіе читатели об этой командировкѣ знают из дневника покойнаго Императора Николая II и записок б. воен. мин-ра ген. Куропаткина. Мечта бѣднаго молодого калмыка хорунжаго о блестящих, сказочных даях, о широких, больших мірах осуществлялась. Грамотей Данила из «Сусу-Крученое» и Академія генеральнаго штаба, слобода Ильинка и Петербург, Янов, Кутейшиковская станица и далекое сказочное путешествіе в таинственный Тибет к самому «божественному» Далай Ламѣ — какая фантазія могла быть ярче открывающейся дѣйствительности.

Неутолимая жажда знанія покойнаго и потребность в большом дѣлѣ, перспектива, наконец, с значительных, м. б., высот послужить благу и возрожденію своего народа — все улыбалось Н. Э. По политическим мотивам обязанный формально выйти в отставку, уже в чинѣ отставнаго есаула Войска Донского в январѣ 1904 года в сопровожденіи Бакши Эркетинской станицы Ульянова, гелюна Бадмы Ушанова и казаков Илюмджи Асанова и Лиджи Шаропова двинулся Наран Эренцынович Уланов из своего роднаго хутора Хурульнаго Кутейниковской станицы (этот хутор Хурульный через два года был переименован в станицу Ново-Александровскую) со станціи Зимовники по направленію через Кавказ и Каспійское море (через Петровск) на далекій путь.

Благополучно переплыв Каспійское море, Н. Э. со своими спутниками направились через Ташкент, Вѣрный в Центральную Азію. Зимой перешли Алтайскія горы при весьма тяжелых условіях. Но движеніе было энергичное.

Вот наша древняя Родина—Джунгарія. Уже завязана связь с Карашарским Ханом калмыков-торгутов. Уже непосредственно ступили на далекій, отвѣтственный путь.

— «Далѣе, далѣе, скорѣе вперед» — торопит Н. Э.

Но.. судьба распорядилась иначе. Наша древняя колыбель приготовила выдающемуся потомку своих дѣтей смерть.

Видимо, простудившись при переходѣ через снѣжныя вершины гор, Н. Э. заболѣл.

На огромном пространствѣ кругом — степь, пустыня. Одинокая кибитка. Карашарскіе калмыки, опасаясь заразы, укочевали. Бакша Ульянов медик по тибетской медицинѣ, называл болѣзнь Н. Э. «шара халуи» («желтая горячка»). Дѣйствительно тѣло больного стало желтое, как золото. Открылось из носу и рта кровотеченіе...

Пришло 27-е апрѣля ст. ст. 1904 года. Больной лежал на кое-как сколоченном ложкѣ: его руки покоились на руках его шурина Илюмджи Дертиновича Асанова. Силы Н. Э. таяли. Уста его шептали имена, еще можно было разобрать имя его дочки Д., но прочее разобрать было невозможно.

Роковой момент приближался. Н. Э. угасал. Он слабо поцѣловал руку Илюмджи. Еще одно послѣднее бѣненіе сердца, послѣдній вздох и... Нарана Эренцыновича не стало...

В вѣчность отошла его свѣтлая, красивая душа, всегда и неизмѣнно полная любви к своему народу, Истинѣ и Справедливости.

За неизмѣним желѣзных лопат, кирок могилу вырыли металлическими тарелками. Из мелких камней соорудили памятник-холм. Кое-как изобразили имя, фамилію и дату его кончины. Была надежда, что нѣкогда придут сюда тѣ, кому дорог покойный и воздвигнут достойный памятник лучшему сыну Калмыцкаго народа на Дону.

Теперь не осталось в живых и Бакши Ульянова, и Лиджи Шаропова и Илюмджи Асанова, а жив ли б. спутник их гелюи (позже Бакша) Бадма Ушанов — не знаем.

...Так, далеко от Родины на древних кочевьях Калмыцкаго Народа — Джунгаріи во владѣніях потомка Овше-Хана на территоріи Карашарских торгутов на порогѣ большой работы и блестящей карьеры 27 апрѣля (10 мая) 1904 года оборвалась жизнь Нарана Эренцыновича Уланова.

Его кончина была огромным событіем для Донских калмыков: не было калмыка, кто не знал бы его и не оплакивал бы со слезами его смерть.

Неизмѣнная любовь к своему народу и неустанная мысль о его возрожденіи, постоянная работа по защитѣ его прав и интересов, неутомимая жажда знанія и устремленія понять вѣчныя проблемы человѣческаго духа и морали — вот духовно-моральное содержаніе Нарана Эренцыновича Уланова.

Он дѣтям своим оставил завѣт:

— Пусть мой образ послужит символом неустаннаго устремленія к Истинѣ, Добру и Справедливости.

Но этот завѣт останется везыблемым завѣтом каждаго мыслящаго калмыка.

Наран Эренцынович умер. Увы... Ему было всего 38 лѣт. Но он с гордостью мог бы сказать, что не бесплодна и напрасна была его краткая жизнь.

Его идеи, его завѣт стали лозунгом и знаменем молодой и развивающейся калмыцкой интеллигенціи и калмыцких общественных работников...

Шютэн Дагсан.

Калмыкам.

Я вас люблю, потомки Чингис-Хана, —
Моей земли родных и преданных сынов.
В моей душѣ поет качанье каравана,
И тихій мир станиц, и ржанье табунов.
В вас мило все: и этот говор странный,
И ваших узких глаз загадочный разрыв,
И этих лиц загар благоуханный,
Спаленный лаской утраченных небес.

Вас слушать сладко мнѣ; или любуясь вами
Туда, в кочевье к вам перенестись мечтой,
И глядя на Восток молиться Далай-Ламѣ,
И четок строгій ряд перебирать рукой.
А вечером в моем уединеньи
Слезой невольной вас всѣх благодарить,
За ваше вдохновенное благоговѣнье,
С каким Россію вы умѣете любить.

Марина Маковская.

Общество „Сокол“ и идеи сокольства в Чехословакии.

Во всяком человѣческом объединеніи, независимо от его формы и названія, всегда имѣется идея, характеризующая и направляющая дѣятельность даннаго объединенія.

Мысль, положенная в основаніе опредѣленной организаціи и настойчиво побуждающая ея членов к сознательной творческой дѣятельности, называется идеологіей.

Сокольство, как серьезная общественная организація имѣет ясно опредѣленную и отчетливо продуманную цѣль, ради осуществленія которой оно возникло и развивает свою работу.

Родиной сокольства является Чехія.

Для нас, калмыков, весьма поучительно знать причины и прослѣдить условія и обстановку, которая способствовала появленію, росту и расширенію этого истинно-народнаго движенія.

Чехи в теченіи вѣков вели упорную борьбу со своими угнетателями-нѣмцами за свою самостоятельность, за свой язык и быт, за желаніе жить также независимо и счастливо, как остальные народы, не растворяясь среди народов враждебной им національности, сохраняя и развивая свою культуру.

На протяженіи всей этой борьбы лилась чешская кровь, и эта длинная цѣпь вѣков жестоких страданій выковала в чехах стойкость, упорство и умѣніе организованно оказывать сопротивленіе врагу.

В поисках освобожденія от нѣмецкаго гнета чешская національная мысль долго и мучительно билась.

Конечно, были испробованы и плохіе и хорошіе методы борьбы.

Но вот характерно, что, наконец, вниманіе передовых дѣятелей чешскаго народа сосредоточилось на слѣдующих двух положеніях как на наиболѣе непререкаемых:

1) защита и обоснованіе теоріи историческаго права Чешскаго народа на независимую жизнь, ибо давность рабства есть плохой аргумент на необходимость иноземнаго владычества;

2) созданіе такого національнаго объединенія, всѣ члены котораго наравнѣ с укрѣпленіем своей физической силы могли бы, не взирая на все различіе возраста, матеріальнаго обезпеченія и общественнаго положенія, регулярно, от-

крыто и откровенно общаться друг с другом, как чех с чехом.

Несомнѣнно, подобнаго рода здоровое национальное объединеніе единственно и было способно серьезно отстаивать все то, что касается правильнаго развитія Чешскаго народа, ибо организація, которая совершенно исключает всякую возможность осложненій в своей внутренней жизни на почвѣ соціальной неприязни и мелких партійных раздоров, не может не дать нужных благих результатов.

Положеніе было исключительное по своей трудности.

Мало было заботиться об умственном развитіи, надо было серьезно подумать и о физическом воспитаніи, ибо только здоровый народ в состояніи защитить свои справедливыя права и создать настоящую культуру.

И эту отвѣтственную задачу воспитанія воли в здоровом тѣлѣ, а также воспитанія любви и беззавѣтной преданности своей родинѣ, взяло на себя сокольское общество.

Создателями сокольской идеи были два выдающихся человѣка:

Доктор философіи Мирослав Тырш и Индржих Фюгнер.

Первый был наиболѣе плодовитым в своей дѣятельности и оставил массу печатных статей и обращеній, посвященных вопросам сокольства, замѣчательных по формѣ и глубоким по содержанію.

Весь этот печатный матеріал, впоследствии собранный одним из послѣдователей его д-ром Шейнером и им изданный под названіем «Сокольски уваги и рѣчи д-ра Тырша» (сокольскія разсужденія и рѣчи д-ра Тырша) служит настоящим Евангеліем для теперешняго сокольства.

Чтобы лучше уяснить себѣ сущность сокольства, необходимо привести ряд мыслей д-ра Тырша, положенных в основу впервые создаемаго им «Сокола» в 1862 году.

Д-р Тырш был глубоким и своеобразным мыслителем; в своих исканіях он шел к самому корню явленія; так и сокольскую идею он обосновал на прошлом Чешскаго народа — его исторіи.

В одном из первых своих трудов, еще до основанія «Сокола», он задавал себѣ вопрос: что спасло Чешскій народ тогда, когда другія славянскія племена, даже численно значительно его превосходившія, погибли?

«Его спасла сила и храбрость, — отвѣчал Тырш, — энергія и твердость, нравственность и дисциплина, любовь к родинѣ и любовь к свободѣ».

Вот какія и рѣдкія и высокія качества он хотѣл видѣть у своих будущих соколов.

Сокол вѣдь это — эмблема ловкости, смѣлости и ума, присущих этой птицѣ. И средством для проведенія задуманной своей цѣли — возрожденіе Чешскаго народа — Тырш сдѣлал Сокольство.

Побуждаемый чувством патриотизма, он основательно изслѣдовал обстоятельства, при которых погибли народы, и, внимательно изучив исторію древней Греціи и Рима пришел к убѣжденію, что только здоровое и дѣятельное насто-